

УДК 371.2:373(560)

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ-БЕЛОЭМИГРАНТОВ
В СТАМБУЛЕ****Олджай Т.***Стамбульский университет, Стамбул, e-mail: turkanolcay@gmail.com*

В работе исследуется проблема организации обучения детей российских беженцев в Стамбуле (1920–1923 гг.). Основное внимание уделяется анализу количественного, возрастного и социального состава детей-белоэмигрантов; помощи российских и международных благотворительных организаций в создании учебных заведений для белоэмигрантов и образовательному процессу в них, а также выявлению дальнейшей судьбы этих учебных заведений.

Ключевые слова: российская иммиграция 1919–1921 гг., Турция, дети-белоэмигранты, школы для русских беженцев в Стамбуле

EDUCATIONAL INSTITUTIONS FOR RUSSIAN REFUGEES IN ISTANBUL**Oljay T.***Istanbul University, Istanbul, e-mail: turkanolcay@gmail.com*

This paper deals with the organization of the education for children of Russian refugees, named as White Russians, in Istanbul and summing up the results of its three-year (1920–1923) existence. The main focus of the research is on the analysis of quantitative, age and social composition of the children of white immigrants; the help of Russian and international charitable organizations in the establishment of educational institutions for children of White immigrants and the educational process in them, as well as the detection of the further fate of these educational institutions.

Keywords: Russian Immigration (1919–1921), Turkey, children of white immigrants, Russian Refugees School in Istanbul

Судьба детей-белоэмигрантов практически волновала всех с первого дня исхода из России. Утрата родины, семьи, школы грозила нравственной деградацией части детей, потерей ценностных ориентаций и, в особенности «денационализацией» личности, забвением родного языка, религиозных традиций, отсутствием или низким уровнем знаний о России и т.п. Особенные опасения вызывали дети дошкольного и младшего школьного возраста. Решение этой социальной и педагогической проблемы ставило задачу создания системы национального образования и воспитания подрастающего поколения, которая включила в себя комплекс учебных заведений и внешкольных учреждений, осуществлявших образование и воспитание подрастающего поколения путем создания русского микросоциума. С целью оказания помощи беженцам, и в первую очередь, детям к середине 1920-го и на протяжении последующего 1921-го годов в разных европейских столицах, в том числе и в Стамбуле, одно за другим стали возникать русские благотворительные учреждения. Их координация и финансирование осуществлялись Земско-Городским Комитетом (РЗГК), учрежденным в Париже. Совещание в мае 1920 года в Стамбуле представителей правительственных и общественных организаций за рубежом под председательством генерала А.С. Лукомского возложило обя-

занности по организации школьного образования на Всероссийский союз городов, деятельность которого финансировалась правительством П.Н. Врангеля. Большую помощь оказывал и Американский Красный Крест. Временный главный комитет всероссийского союза городов проводил свою культурно-просветительную деятельность в Стамбуле через находившуюся здесь группу общественных деятелей во главе с П.П. Юреневым и А.В. Жекулиной. Начиная с середины 1920 года и до февраля 1921 года, Комитету всероссийского союза городов удалось многое осуществить по вопросу обучения детей эмигрантов в Стамбуле. Им же в Стамбуле были созданы «три гимназии (свыше 900 учеников), три училища (неполных средних учебных заведения), десять начальных школ, два детских дома, десять детских садов, площадок и яслей, шесть детских столовых и множество интернатов» [2, 12]. С февраля 1921 года культурно-просветительное и школьное дело в Стамбуле получает регулярную и относительно широкую поддержку со стороны Земско-городского комитета, отпустившего с марта по июнь 1921 года всего 739.330 фр. Временному главному комитету Союда [там же]. Параллельно Комитетом всероссийского союза городов, другими русскими организациями и частными лицами содержались также 3 гимназии, детский дом, приют и начальная школа. В июне 1920 года

по инициативе супруги российского посла В.В. Нератовой возобновила свою деятельность Крестовоздвиженская школа, известная под именем «Гимназия Нератовой», в которой учились 117 мальчиков и 76 девочек. Вслед за ней появилась вторая приходская гимназия в Харбие при церкви Св. Николая, а третья – на о. Галлиполи, которая содержалась русским военным командованием. Детский дом основало Российское Общество красного креста, начальную школу – баронесса Врангель, а католическую школу-интернат – отец Сипягин. Из дневника архиепископа Дамиана Царицынского, хранящегося у его правнука в Болгарии, становится известно, что с 1 марта 1921 года Свято-Владимирским Братством, которым руководил еп. Дамиан, был арендован дом из 38 комнат в Ферикее, известный под названием «Русский дом»: «В 17 комнатах, отремонтированных при содействии проф. Уиттимора и Американского красного креста и Американского комитета спасения и воспитания русских детей, были устроены детский сад, рассчитанный на 60 детей, интернат для юношей школьного возраста на 30 человек, а также столовая, обслуживавшая интернат и детский сад. Намечено было открытие приюта для детей-инвалидов, постройка теплых бараков для ночлега неимущих и баня» [10, 476–477]. Решением проблемы обучения детей-эмигрантов занялись непосредственно и международные благотворительные организации, а также и Союзные власти. «Иностранные благотворительные организации и жертвователи (Американский красный крест, Американская организация помощи, Международный красный крест, английские общества, представители американских обществ – г-жа Бристоль, проф. Уиттимор и др.), охотно добавляющее свои фонды к денежным суммам, затрачиваемым самими русскими, увеличили в несколько раз (главным образом продуктами и бельем) отпускаемые Земско-Городским Комитетом средства» [2, 12]. Так, например, в середине 1920 года в районе Буюкдере и на острове Проти (нынешнем Кыналы) на средства британских частных благотворителей, образовавших в Лондоне «Общество помощи русским и содействия восстановлению России» были учреждены две школы. Школой в Буюкдере руководил патер Черчворд опытный английский педагог «высоких моральных качеств, исключительно благотворно» действующих на воспитанников, а школой на Проти – его заместитель мистер Коффей «также умело и разумно руководящий нравственным воспитанием своих питомцев» [3, XXXII]. Сколько детей обучалось в них с первых

дней, к сожалению, не известно. Известно, что к началу 1924-го года школа в Буюкдере насчитывала 270 мальчиков и 30 девочек младшего возраста, а школе-приюте на Проти – свыше 80 русских девочек.

В августе 1921 года при материальной поддержке американских моряков открылась и бесплатная русская школа, в которой одновременно обучалось до 30 детей, в возрасте от 6 до 12 лет. Дети с утра собирались в школу и проводили в ней весь день до 6 часов вечера, получая прекрасное питание. Когда первый миноносец, оказавший помощь школе, ушел в Америку, он передал заботы о ней экипажу миноносца «Эдсол», содержавшему школу до ее закрытия, т.е. до 1 сентября 1923 года. Попечительница школы, княгиня Гагарина, привлекла к этому делу супругу начальника штаба адмирала Бристоля, г-жу Гепборн, и впоследствии передала ей все заботы о школе и ее воспитанниках [3, XIX].

Обучение детей-белоземимигрантов

Октябрьская революция и последовавшие за ней события привели к 3-летнему перерыву в учебном процессе. Многие дети были полностью лишены образования и воспитания, что несомненно отразилось на процессе обучения в стамбульских образовательных школах. Состав классов в них можно разделить на две основные группы, которые можно обозначить как учащиеся и доучивающиеся. Во всех классах имелись ученики-переростки, что приводило к отсутствию какой-либо грани между учениками V, VI, VII и VIII классов. Часто даже в V классе попадались ученики старше, чем в VIII. Большинство из них были болезненно поражены всеми ужасами революционной эпохи и гражданской войны, многие из них по несколько лет были на фронте и не брали в руки книг. Наглядной оценкой расхождения интеллектуальных школьных критериев с критериями жизни служит запись, сделанная В.В. Зеньковским: «Детская душа в наши дни напоминает полуразрушенный дом, в котором уцелело только несколько жилых помещений, а все остальное разрушено, измято и сломано... Душа их, конечно, безостановочно лечит самое себя, но наш долг – всячески помогать ей в этом, ибо справиться с тем тяжким бременем, с тем ядом, который отравил душу, им самим нелегко...» [1, 160]. Учащиеся нуждались прежде всего в «педагогической терапии». Обязанность залечить их душевные раны, приготовить их к жизни, сделать из них людей легла на преподавателей. Как достигнуть этого? Ответом служит речь директора А.А. Петрова на первом заседании

педагогического совета Первой Константинопольской гимназии Всероссийского союза городов: «Нам нельзя думать только о снабжении учащихся каким-нибудь комплексом знаний; мы раз и навсегда должны отказаться от старой пассивной школы. Само собой, выдвигается на первый план задача воспитания: мы обязаны воспитать детей, а все остальное будет достигаться легко; нельзя думать о развитии только интеллекта, когда больна вся душа. Но мы не можем признать для себя приемлемым и метод ‘воспитывающего обучения’, который, быть может, и имеет много хороших сторон, но для данного момента непригоден. Весь строй школы должен быть поставлен так, чтобы уроками, рекреациями, жизнью в интернате действовать на всю душу ребенка или юноши, одновременно лечить, воспитывать и учить. Наша школа должна стать прежде всего школой-семьей, где жизнь педагога неразрывно связана с детской жизнью, где не будет двух лагерей: «мы» и «они», а все будут спаяны воедино. Далее наша школа, ввиду переживаемого времени, должна думать о воспитании воли, характера, борьбе с той дряблостью и мягкотелостью, которая так разительнo сказалась в русской интеллигенции в годину тяжких испытаний. Наконец, третье – и, может быть, самое важное: руководясь новейшими течениями педагогики и психологии, наша школа должна быть строго национальной, на нас лежит трудная и ответственная задача – сохранить в детях, а в нужных случаях зажечь святой огонь любви к утраченной отчизне, познакомить их с величием родной истории, красотой родной поэзии и литературы – словом, дать знание и понимание родного края» [8, 95–96]. Наибольшей трудностью воспитания являлись разновозрастность (9–23 лет) и разнородность (от самых демократических слоев населения до титулованных) состава классов при совместном обучении. Однако именно эта совместность и оказала наибольшую пользу: женский элемент, несомненно, сыграл громадную облагораживающую роль. «Буквально с каждым днем чувствовалось смягчение той грубости манер и выражений, с которой бывшие «воины» пришли в гимназию; можно было наглядно убеждаться, как эти преждевременно состарившиеся юноши вновь становились детьми, как постепенно исчезала глубокая складка не то задумчивости, не то презрения, образовавшаяся у многих на лбу. Атмосфера расчищалась в общем, но отдельные лица продолжали оставаться «дикими зверьками» и как-то исподлобья смотрели на все происходящее. Большинство не верило в прочность этой «затеи»,

им казалось, что пройдет неделя-другая, и это ‘благополучие’ кончится, а там... снова улица, снова голод и нищета, в лучшем случае тяжелый физический труд на Константинопольской пристани» [8, 98]. Что касается учебной программы русских школ в Стамбуле под эгидой Всероссийского союза городов, то отметим, что они обладали всеми правами русских правительственных учебных заведений за границей. А содержание и направление учебной деятельности определялось утвержденными Крымским правительством программами и учебной таблицей. В основу гимназических программ были положены последние распоряжения Министерства графа Игнатьева, но с некоторыми изменениями: изучение латинского языка начиналось не с III, а с V класса, и на него отводилось 3 урока в неделю; было усилено изучение новых языков: французского, немецкого и английского, при обязательном изучении двух из них, введены уроки французской разговорной практики по группам три раза в неделю; а также обязательные уроки ручного труда (главным образом сапожное ремесло); во внеурочное время организованы специальные курсы рукоделия и изящных работ для девочек, при содействии представительниц Американского красного креста, взявших на себя бесплатное преподавание и снабжение учащихся материалом [8, 93]. Программы учебных учреждений, организованных и заведомых иностранцами, были приближены к довоенным программам русского реального семилетнего училища с некоторыми изменениями и адаптацией к новым обстоятельствам. «Каждый, кто имел случай посетить британские школы для русских детей в Буюк-Дере или на Проти, выносил от этих посещений самые восторженные впечатления, с особым удовлетворением отмечая самую систему воспитания детей в духе любви к своей родине, с сохранением в неприкосновенности и русских обычаев, и русского уклада» [3, XXXII]. Они были чисто русскими и были нацелены дать детям не только общее образование, но и предварительную практическую подготовку на будущее в области техники, сельского хозяйства или коммерции. При этом большое внимание уделялось изучению иностранных языков (английского, французского, немецкого) – общее количество уроков в неделю составляло 28–29. Кроме того, в течение двух часов дети по личному выбору работали под руководством опытных инструкторов в одной из мастерских: столярной, слесарной, сапожной, переплетной, портняжной, рисования масляными и водяными красками, резьбы по дереву

и декоративного искусства; или обучались садоводству и огородничеству. Обычно дети последовательно обучались в двух-трех мастерских. Миссия по спасению тысяч детей беженцев увенчалась успехом – они были вырваны из губительной обстановки барака или улицы, а затем включены в хорошо организованный учебный процесс. Создание в Стамбуле ряда учебных учреждений, как и просветительная деятельность в них имели особый характер – ни хозяйственные, ни политические условия в стране не позволяли думать о прочном оседании здесь русской эмиграции. Вот почему Стамбул и для детей-беженцев оказался лишь временным пристанищем, лишь этапом на пути дальнейшего расселения преимущественно в славянские страны. К началу 1923 года «русский» Стамбул стал постепенно исчезать. От огромной волны беженцев, докатившейся в 1919–1920 годах с черноморских портов на берега Босфора, к 1924 году остается всего около 10 тысяч, а к 1926 – 4–5 тысяч человек. С прекращением оккупации города войсками Антанты и объявлением в стране нового республиканского правления прекратили свою работу и иностранные гуманитарные организации, закрылись или эвакуировались вместе с потоком беженцев обслуживавшие их многочисленные русские учреждения.

Судьба школьных учреждений в Стамбуле

В течение 1922–1923 гг. сеть школьных и культурно-просветительных учреждений Земско-городского комитета в Стамбуле и его окрестностях была постепенно ликвидирована. Важнейшие учреждения были эвакуированы. Первая и старейшая русская гимназия (Константинопольская) в конце 1921 года была переведена в Тржебову в Чехословакию. Вторая гимназия была переименована в «Ученически этапно-пропускной пункт», а ее кадры педагогов и учащихся дали начало крупным русским гимназиям в Шумене и Дольне Орехове в Болгарии. В Болгарию же были эвакуированы с Лемноса ученики нескольких кубанских народных училищ, положившие основание сельскохозяйственному училищу в Плаковском монастыре [2, 13]. Детский дом не мог быть эвакуирован, как цельное учреждение. Часть детей и персонала уехала в Бельгию, Америку и др. страны, остальные остались в Стамбуле. Имущество детского дома, книжный склад и библиотеки были эвакуированы в Сербию. Остальные мелкие учреждения Земско-городского комитета в Стамбульском районе были в течение 1923 года постепенно закрыты, а помощь студентам прекращена.

Судьба других школьных учреждений, возникших в Стамбуле, но не входивших в сеть содержимых Земско-городским комитетом, такова: гимназия г-жи Нератовой была переведена в феврале 1922 года в Болгарию, в г. Пещеру; гимназия, содержавшаяся военным командованием на о. Галлиполи, также была эвакуирована в Болгарию, в г. Горно Паничерево; детский дом Российского общества красного креста вывезен весной 1923 года в Бельгию. Летом 1923 года закрылась окончательно гимназия, образованная приходом церкви Св. Николая в Харбие субсидировавшаяся в последнее время Земско-городским комитетом. После ухода Союзных властей, из прежних многочисленных школьных учреждений в Стамбуле остались лишь немногие. В конце 1923 года продолжали существовать две содержимые английским благотворительным обществом средние школы – в Буюкдере (180 мальчиков нуждающихся русских беженцев или сирот в возрасте 9–19 лет) и на острове Проти (60 девочек), а также одна начальная школа имени баронессы Врангель (32 учащихся). Вне школ имелось по приблизительному подсчету около 200 детей школьного возраста [2, 15]. Таким образом, трехлетняя кипучая деятельность русских и иностранных организаций в Стамбуле по спасению русских детей от гибели и обеспечению им питания, воспитания и образования замирает окончательно.

Автор выражает благодарность руководству Отдела поддержки международных научных проектов при Стамбульском университете за оказание помощи в осуществлении данного проекта (Рег. № 25646).

Список литературы

1. Дети эмиграции. Воспоминания. – М.: Аграф, 2001. – 256 с.
2. Зарубежная русская школа 1920–1924. Российский Земско-Городской Комитет Помощи Российским Гражданам. Париж, 1924. – 278 с.
3. На прощание. Nos Adieux. Farewell. 1920–1923. Константинополь, Бабок и Сыновья, 1924. – LI, XXIV, LXIX с.
4. Пивовар Е.Ю., Герасимов Н.П. и др. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия и учебные заведения). Учебное пособие для студентов. – М.: Историко-архивный институт РГГУ, 1994. – 117 с.
5. Русская школа за рубежом. Материалы по истории русской школы за рубежом. Книга 9. – Прага: Издание Объединения Земских и Городских Деятелей в Чехословакии, 1924. – С. 92–118.
6. Словачевский. Ю. Жизнь, описанная в письмах, или Разлука длиной в сорок лет 463–520 // Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / под ред. В.В. Чумаченко, П.В. Чумаченко, С.А. Рожкова. – М.: Новые печатные технологии; Синержи, 2013. – 794 с.
7. Тереня Ю.Ю. Педагогическая журналистика русского зарубежья 1920–1940 гг. как фактор национального самосохранения в эмиграции: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2013. – 235 с.